

Из-за того что лицо Чжу Аньхэ распухло ещё до того, как по сценарию он должен был получить пощёчину, совместные съёмки с Цзин Юаньци пришлось отменить.

Юноша, впрочем, был только рад внезапному отдыху. Весь остаток дня он, подражая Ши Цину, просидел в кресле рядом с ним. Разница заключалась лишь в том, что Киноимператор наблюдал за игрой коллег, а Цзин Юаньци — за самим актёром.

Он всегда славился умением изучать людей: он почти бессознательно вычислял чужие психотипы. Ранее юноша уже анализировал своего наставника, постоянно строившего ему козни, но после инцидента с соком демонического перца внезапно осознал, что его выводы оказались ошибочными.

Это был первый случай в практике Цзин Юаньци, когда его анализ дал сбой. И Ши Цин пробудил в нём жгучий интерес.

Он был натурой импульсивной и привык ни в чём себе не отказываться: раз уж объект вызвал любопытство, его следовало изучить досконально. Сменив исторический костюм на обычную одежду, молодой человек весь вечер совершенно открыто разглядывал соседа.

Он походил на леопарда, который, никогда прежде не видел речного моллюска, замер над захлопнувшейся раковиной. Хищник не был голоден и не спешил с трапезой, а потому терпеливо повиливал длинным хвостом и, спрятав когти в мягкие подушечки лап, медленно кружил вокруг своей находки. Он ждал, когда створки раскроются и обнажат нежное нутро.

Чем дольше он наблюдал, тем яснее понимал, насколько поверхностным было его прежнее суждение.

Под его пристальным взглядом тело Киноимператора оставалось напряжённым. Каждое движение Ши Цина источало холод и отчуждённость, словно даже мимолётный взгляд на окружающих был актом высочайшего снисхождения. Однако его нежные губы, цветом напоминавшие лепестки ликориса, оставались плотно сжатыми — верный признак глубокого внутреннего напряжения.

Прошло немало времени, и Ши Цин, хоть и не удостоил соседа вниманием, продолжая смотреть на площадку, ни разу не сменил позы. Обычный человек не смог бы просидеть так неподвижно несколько часов подряд; следовательно, тому была веская внешняя причина.

Цзин Юаньци с долей самодовольства приписал эту причину себе. Очевидно, его нескрываемый, почти осязаемый взгляд заставлял Киноимператора чувствовать себя не в своей тарелке.

Но какой человек способен смутить актёра, давно привыкшего быть в центре внимания и купаться в лучах славы?

Вспомнив случай с соусом, юноша нашёл для себя ответ.

Ши Цин выделял его среди прочих.

Именно поэтому он подослал человека с «острым подарком».

Именно поэтому он сидел как каменное изваяние, не смея шелохнуться под его взглядом.

Но почему человек, с которым раньше его ничего не связывало, вдруг начал проявлять к нему такое странное, особенное внимание?

Эта догадка заставила глаза Цзин Юаньци потемнеть от неясных мыслей. Он всегда был лучшим во всём, и за его благосклонность боролись многие, независимо от пола, но сам он оставался равнодушен. Ему претили и заискивающие взгляды, и те, чья внешность не соответствовала его вкусу. Сама мысль о близости с кем-либо вызывала у него отторжение.

Однако это не означало, что он был несведущ в подобных делах — напротив, обладая выдающимися способностями к обучению, он разбирался в них лучше многих. Просто раньше у него не было объекта для практики, и он не мог проверить, каково это на вкус.

Теперь же юноша расслабленно откинулся в кресле. Его глаза-полумесяцы лучились весельем, и он, словно добродушный парень, бросил ленивый взгляд на Ши Цина.

Киноимператор застыл в этой позе уже давно. До появления Цзин Юаньци он сидел расслабленно, но теперь из-за присутствия молодого коллеги выпрямился как струна. Из-за того что он просидел так долго, белая рубашка начала пропитываться потом. Спереди это было незаметно, но на спине ткань потемнела и плотно облепила тело.

С того ракурса, где сидел Цзин Юаньци, сквозь влажную ткань отчётливо проступала линия позвоночника — плавная и изящная, она уходила вниз, скрываясь за краем кресла. В такт дыханию Ши Цина намокшая материя то натягивалась, то слегка опадала.

В голове Цзин Юаньци промелькнула лишь одна мысль.

«На ощупь, должно быть, очень приятно»

Как он не замечал этого раньше? Этот надменный, вечно угрюмый учитель Ши, которого он так ненавидел, во всём — от макушки до пят — удивительным образом соответствовал его вкусам.

Но больше всего его забавляло то, как Киноимператор пытался его избегать. Как уже говорилось, Цзин Юаньци обожал идти наперекор. Чем больше его любили, тем скучнее ему становилось. И наоборот: чем сильнее от него пытались отгородиться, тем азартнее он наступал.

За маской жизнерадостного парня скрывался человек холодный и расчетливый. Он мог с улыбкой использовать любого для достижения своих целей, а добившись своего, даже не вспомнил бы имени марионетки.

И сейчас юноше хватило нескольких секунд, чтобы принять решение.

Ши Цин станет его новой целью.

Цзин Юаньци не стал подниматься. Сохраняя на лице мягкую улыбку, он лишь слегка наклонился к соседу. Со стороны могло показаться, что он едва ли не положил голову мужчине на грудь.

— Учитель Ши.

Юноша улыбался, но голос его, вразрез с солнечным обликом, зазвучал низко и вкрадчиво, с той особой хрипотцой, что проникает в самое сердце:

— Я совсем забыл спросить... зачем вы прислали мне тот соус?

Дыхание Киноимператора, казалось, пресеклось, когда Цзин Юаньци так внезапно нарушил его личное пространство. Он хранил молчание несколько секунд.

Юноша не торопился. Он замер в той же позе, с лукавой усмешкой глядя на него снизу вверх. Он мастерски умел пользоваться своим обаянием: когда он смотрел на кого-то таким образом, в его глазах-полумесяцах можно было утонуть. К тому же из-за этого ракурса Ши Цину, даже если бы он опустил взгляд, пришлось бы встретиться с ним глазами.

Цзин Юаньци заметил, как в глубине зрачков собеседника на миг промелькнуло смятение. Длинные ресницы Ши Цина часто затрепетали, и его холодный голос прозвучал чуть быстрее обычного:

— Тебе нравится острое.

Поскольку он любил острое, ему и добавили в еду демонический перец.

Цзин Юаньци не выдержал и рассмеялся. Смех был негромким, но по всему его виду было ясно, что он искренне наслаждается ситуацией.

Сначала он просто смеялся под растерянным взглядом Ши Цина, но затем совершенно естественно уткнулся головой в грудь Киноимператора. Окружающим могло показаться, что старые друзья обсуждают что-то невероятно весёлое, и младший в избытке чувств притянул к старшему.

В это мгновение юноша отчетливо ощутил, как прежде мягкое тело резко напряглось под его весом. Но что толку в этом напряжении? Даже через слои одежды он почувствовал его тепло.

Спустя минуту Цзин Юаньци отстранился. Он задорно подмигнул Ши Цину, чьи прекрасные ресницы всё ещё беспокойно подрагивали. Уголки его губ поползли вверх, а во взгляде заплясали чертовщинки.

— Режиссёр говорил, что сегодня вечером у нас совместная сцена.

Он протянул руку и коснулся воротника Ши Цина, застегивая верхнюю пуговицу у самой ключицы. Его длинные пальцы могли бы сделать это мгновенно, но он нарочито медленно, почти интимно довел дело до конца, скрывая от глаз изящную линию ключиц.

Закончив, юноша наклонился к самому уху Ши Цина и прошептал, намеренно понизив голос:

— С нетерпением жду наступления темноты.

Бросив эту фразу, он выпрямился, и на его лице снова засияла безупречная, солнечная улыбка.

— Пойду перекушу. До вечера.

Ши Цин молча провожал его взглядом. Лишь когда фигура юноши окончательно скрылась из виду, он негромко произнёс:

«До чего же он... искуситель»

«А? О чём вы?» — голос Системы прозвучал озадаченно.

Ши Цин посмотрел на то место, где только что находился Цзин Юаньци. На белой ткани рубашки осталось едва заметное влажное пятнышко — след от его лба.

Не удержавшись, он повторил:

«Действительно, какой бесстыдник»

_«Хозяин, не бойтесь, — попыталась утешить его Система. — Вряд ли он станет распускать

руки по-настоящему»_

«Это верно. Зато он точно умеет кусаться»

_«М-м...»_

«Провокатор»

«Ничего, ничего, хозяин... Я могу активировать для вас какой-нибудь полезный навык...»

Но не успела она договорить, как Ши Цин добавил:

«Но мне это нравится»

_«???»_

_«...»_

Ши Цин довольно откинулся на спинку кресла.

«Системка, ты заметила? Он пытается меня соблазнить»

«Странно всё это, — Система заглянула в параметры. — При такой-то степени отторжения... По логике вещей, вы должны быть ему глубоко неприятны»

Ши Цин ничуть не удивился.

«А ты посмотри на его отношение к другим»

Система послушно вывела данные и надолго замолкла.

«Ну как?»

«У него ко всем стопроцентное отторжение... Но ведь на людях он ведет себя так приветливо!»

«Притворяется. Он только кажется солнечным и открытым, на самом деле ему просто нравится играть эту роль. Впрочем, неважно: если долго носишь маску, со временем она прирастает к лицу»

Ши Цин продолжил свои размышления:

«Ему стало скучно, и он ищет развлечений. Судя по всему, я — его следующая игрушка»

Система окончательно запуталась.

«И что же нам теперь делать, хозяин?»

«А что тут сделаешь? Ничего»

Ши Цин лениво закрыл глаза.

«Нам не нужно ничего предпринимать. Пусть Цзин Юаньци действует сам. Ему нравится думать, что он всё контролирует? Что ж, я позволю ему так думать. В конце концов, мне это тоже в удовольствие. Он ищет развлечений? Мне и самому любопытно посмотреть, когда он поймёт, что игры со мной могут обойтись ему слишком дорого»

***

С наступлением сумерек съёмочная группа приступила к работе над вечерними сценариями. Это был масштабный проект в жанре фэнтези, где Цзин Юаньци досталась роль антагониста — в начале истории он был холодным и отстранённым юношей, влюблённым в героиню, но позже превратился в могущественного злодея.

В текущей сцене злодей, пытаясь заставить героиню выйти за него замуж, захватил в плен её наставника и угрожал его убить.

Этим злополучным наставником и был персонаж Ши Цина.

За двадцать минут до начала съёмок актёр уже облачился в летящие одеяния. На его лицо нанесли грим, имитирующий раны, а в рот он положил капсулу с искусственной кровью: в момент, когда злодей начнёт его душить, ему нужно будет раскусить её, изображая кровавый кашель.

Цзин Юаньци появился на площадке в чёрном одеянии, символизирующем его падение во тьму. Образ дополнял классический макияж антагониста: алая метка между бровей, подведённые глаза, ставшие ещё выразительнее, и жёсткая линия бровей. Когда он входил в роль, его лицо принимало зловещее и холодное выражение, но сейчас, пока юноша привычно улыбался, он походил не на тёмного властелина, а на хитрого лиса, ищущего повод для соблазнения.

И этот «лис» уже подобрался к Ши Цину. Его губы, ярко выделявшиеся на бледном лице,

изогнулись в лукавой усмешке:

— Учитель Ши, давайте прогоним сцену?

Отказать партнёру в такой просьбе было невозможно. Киноимператор кивнул и на мгновение вынул капсулу. Едва началась репетиция, его лицо мгновенно преобразилось: холодное безразличие сменилось яростью благородного мужа.

— Ты просто бредишь! Жалкий демонический практик, как ты смеешь претендовать на Жу-эр? Ты прибегнул к столь гнусному коварству... Если бы не моя утраченная сила, ты бы уже давно пал от моего меча и отправился в преисподнюю дожидаться перерождения в теле скота!

Цзин Юаньци, казалось, тоже мгновенно вошёл в образ. С ледяным лицом он шагнул вперёд и обхватил шею партнёра сзади. Его голос прозвучал низко и угрожающе:

— Не тебе решать, кто достоин её, а кто — нет.

Сценарист, наблюдавший за ними, в недоумении заглянул в сценарий и прошептал ассистенту:

— Разве там не написано, что они должны стоять лицом к лицу? Почему Цзин Юаньци зашёл Ши Цину за спину?

— Ничего страшного, это же просто репетиция. К тому же, так они оба смотрят в одну сторону — операторам будет проще поймать нужный ракурс.

Пока они обсуждали детали, Ши Цин внезапно почувствовал неладное. За его спиной юноша продолжал ледяным тоном произносить свои реплики, но при этом, скрытая широким рукавом, его левая рука медленно скользнула по одежде Киноимператора к белому поясу длинного халата.

Он напоминал леопарда, который, убрав когти, осторожно трогает лапой створки раковины.

Актёр, мастерски изображавший на лице муки удушья, внезапно замер.

Гао Чжи, стоявший неподалёку, обеспоенно спросил:

— Ши-гэ? Что-то не так?

— Да, в чём дело? — подхватил Цзин Юаньци.

Правая рука юноши по-прежнему сжимала горло партнёра, но его большой палец, скрытый

каскадом длинных волос парика, начал едва заметно, дразняще двигаться вверх-вниз по горлу Ши Цина. Это прикосновение было почти неощутимым — словно легкое касание перышка.

Он замер на месте, едва заметно склонив голову к плечу партнёра. Его взгляд был прикован к лицу Ши Цина, чьи густые ресницы начали судорожно подрагивать.

Пока левая рука юноши, всё ещё скрытая рукавом, осторожно потянула за край пояса, наслаждаясь тем, как напряглось и застыло тело Киноимператора, он вновь заговорил своим глубоким, обволакивающим голосом. В его тоне сквозило притворное недоумение:

— Учитель Ши, ну что же вы замолчали? С вами всё в порядке?

<http://bllate.org/book/15834/1435656>